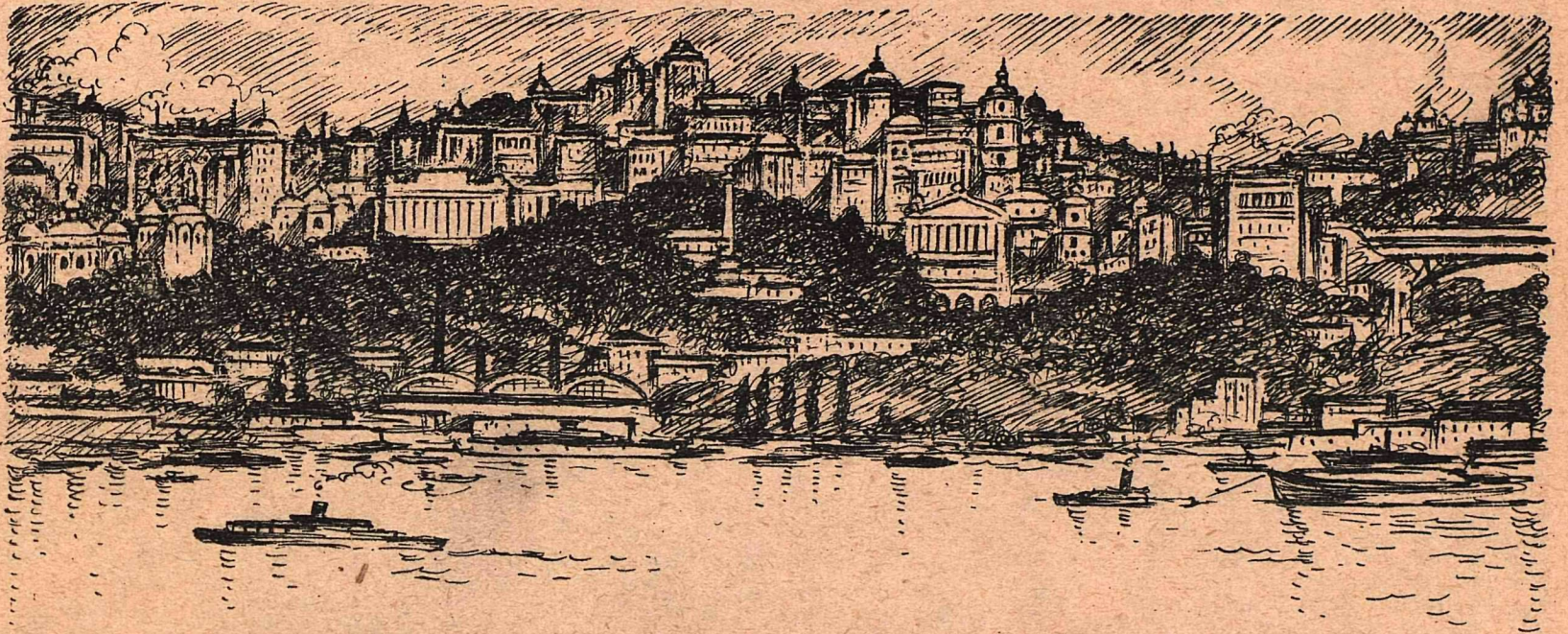

К Р О К О Д И Л

ГОДИЗДАНИЯ ХVII

Так выглядит Киев, если на него смотреть невооруженным глазом.

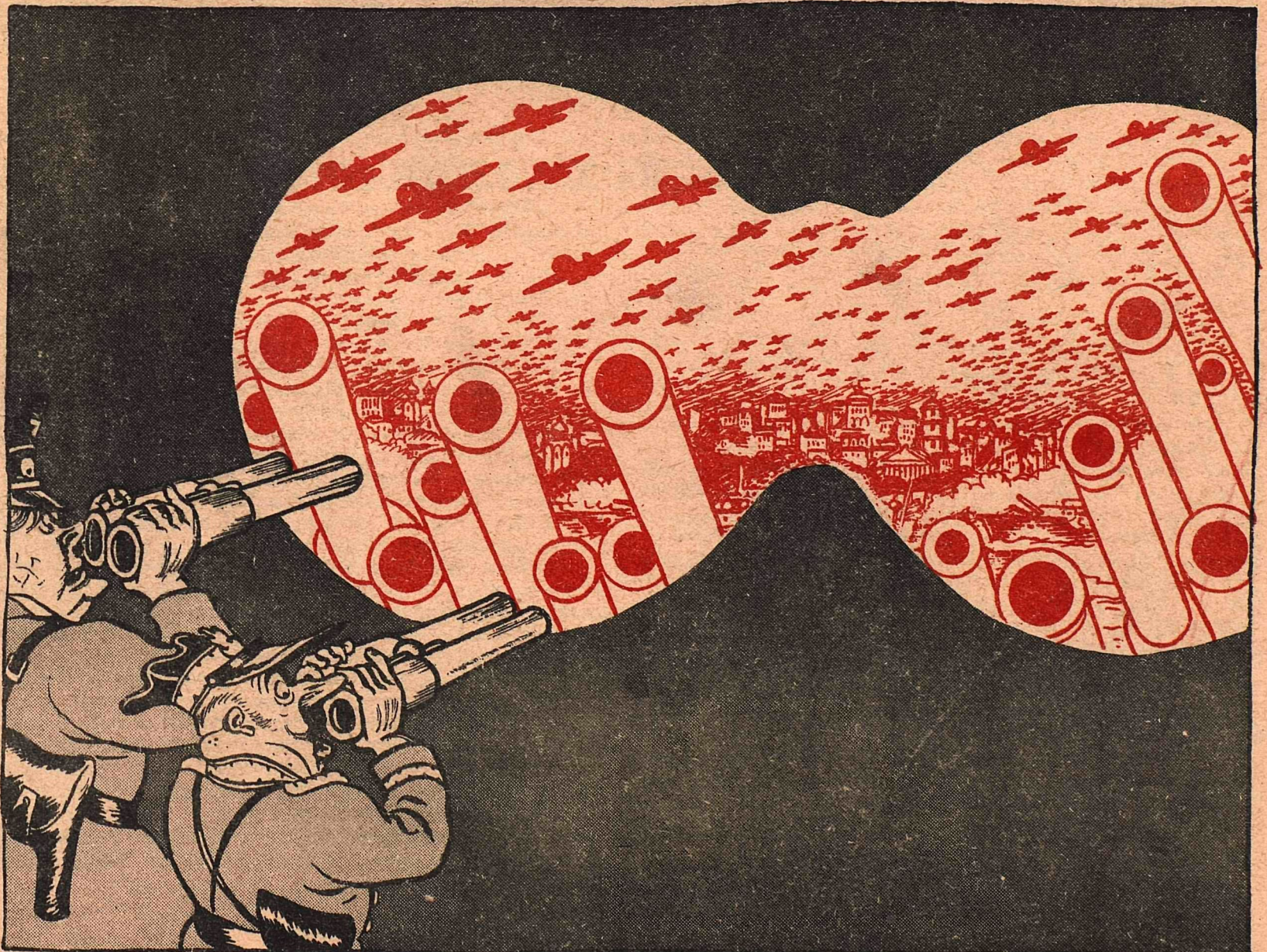
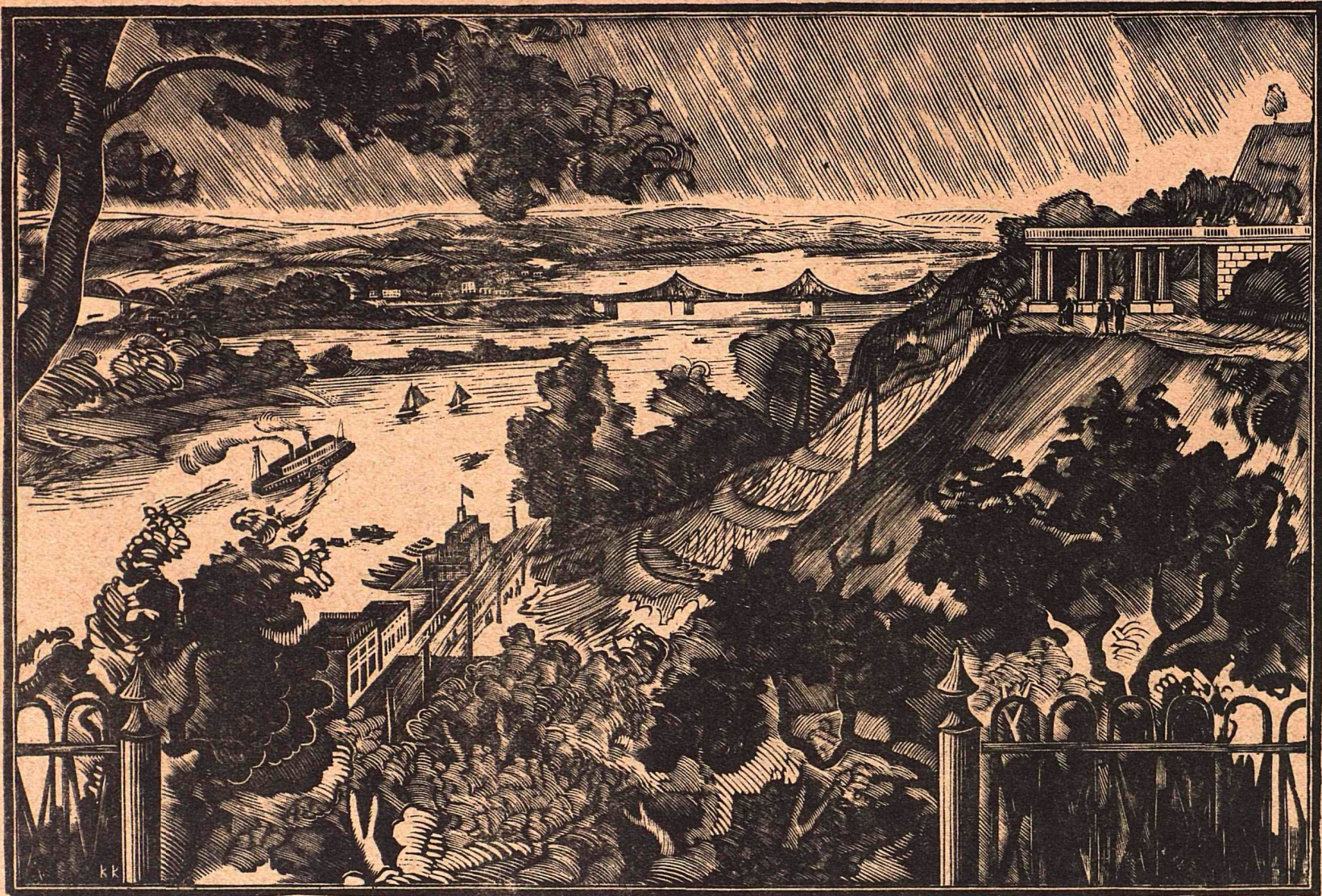

Рис. Бор. Ефимова

И вот каким становится он, когда на него смотрят вооруженным глазом.

Владимирская горка

Гравюра на дереве К. Козловского.

Вместо вступления

Когда было решено, что мы, сотрудники Крокодила, поедем в Киев, мы еще в Москве проконсультировались у сведущих людей касательно города Киева.

Первым был опрошен некий историк, знаток всяческой, а особенно киевской старины.

— Мм... Ну, что же вам сказать о Киеве? — заявил историк. — Ну, Киев, столица Украины, расположен на правом берегу Днепра, под $50^{\circ} 27'$ северной широты и примерно $30^{\circ} 20'$ восточной долготы. Насчет происхождения города. Киева существует несколько легенд. Вероятно, вы знаете, что наиболее распространенный миф о трех братьях: Кие, Щеке и Хориве, — а также о сестре их Лыбедве... Не знаете? Ну это и неважно. В семнадцатом веке вождь восставшего казачества гетман Богдан Хмельницкий овладел Киевом и присоединился к России. Вероятно, вам известно, хотя бы из Пушкина, о предательской деятельности Мазепы. Известно? Ну вот. После Мазепы в течение двух с лишним веков идет обращение Киева в один из губернских городов царской империи. В городе был военный округ, проживал генерал-губернатор, была судебная палата... Впрочем, к чему это вам? Ни судебной палаты, ни Мазепы сейчас в Киеве вы не найдете.

Товарищ, проведший в Киеве годы 1918—1920, отозвался о нем так:

— Как вам сказать?.. Тревожный город. Как-то он весь содрогается... И потом эта стрельба... Ведь в течение гражданской войны Киев раз двенадцать переходил из рук в руки. Шутка ли!.. Я помню, например, когда петлюровцы в январе грабили Липки, — знаете, эти кварталы наверху над Днепром, — то город выл.

— Кто выл? — испуганно переспросили мы.

— Город. Это так принято было. Когда грабители входили в один дом, то все население дома начинало выть, и этот вой подхватывался всем кварталом.

Гражданин, недавно переброшенный на работу в Москву из Киева, сказал нам короче всех:

— В Киев едете? Доброе дело. Посмотрите, как вырос город за те четыре года, что стал столицей. Конечно, враги украинского народа тоже не сидели сложа руки: они пакостили где можно. И, конечно, пакостили они не просто, а по указаниям своего «хозяина». Ну, конечно, такой «хозяин» существует за рубежом, совсем рядом. Немалый урон нанесен врагами. Но как они ни старались, — Киев здорово вырос и стал еще прекраснее. Сами увидите. Красивый город — Киев... Впрочем, это я вам уже говорил...

Мы поехали в Киев и на месте убедились, что из указанных выше консультантов правы все трое. Каким образом? А вот сейчас изяснимся.

Ничего не осталось в нынешнем Киеве от губернского города, где процветала погромная газета Шульгина и

Крещатик

Гравюра на дереве К. Козловского.

могло возникнуть дело Бейлиса. Но вот угрюмая архитектура иных старых казенных зданий, хиреющий водопровод — это как-то напоминает о том времени, когда был Киев резиденцией генерал-губернатора и митрополита.

Прав был историк: Мазепы в Киеве не оказалось. Зато свежи еще следы, вытопанные духовными наследниками Мазепы, которые так же, как и этот предатель, мечтали о «самостоятельной Украине» под владычеством поляков, немцев, румын, болгар, тунисского бейя, австралийского генерал-губернатора, — словом, кого угодно.

Только «духовные» наследники менее счастливы нежели их «духовные» предки: Мазепа окончил дни свои за рубежом, скрывшись от расплаты. А нынешние враги Украины не ушли от ответа.

По-своему оказался прав и товарищ, который провел в Киеве бурные годы революции. И по сей час Киев — тревожный город. Вопрос только в том, для кого он тревожный.

Когда смотришь на черные с золотым танком петлички бойцов мотомехчастей киевского гарнизона, на темно-синие петлички кавалеристов, на голубые — с пропеллером и крыльями — летчиков, то начинаешь понимать, что Киев и по сей день может внушать тревогу тем из наших соседей — близким и несколько более удаленным, — которые, побывав так неудачно в украинской столице, захотят повторить свой визит. Такое желание, несомненно, должно рождать тревогу. Тревогу для желающего.

Тот факт, что 99,49 процента киевлян, участвовавших в выборах в Верховный Совет УССР, голосовало за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных, принес немало тревог тем нашим соседям, которые мечтают снова сунуть свое свиное рыло в наш советский огород. Да и в названиях улиц, окрещенных именами героев гражданской

войны, в том почтении, с которым говорят в Киеве слова «арсенал», «арсенальцы», живут бурные годы 1918—1920. В имени Щорса, не сходящем со страниц газет, с языка молвы, в старинных теперь уже названиях полков — «богунцы» и «таращанцы» — живут дела этих грозных годов, когда украинские пролетарии и селяне, под руководством большевиков и при помощи русских рабочих, сумели отстоять и город Киев и всю Украину.

И Цепной мост через Днепр напоминает о том, как он был взорван отступавшими поляками в 1920 году. Однако же Цепной мост существует. Он восстановлен. И видеть его можно из окна поезда, идущего из Москвы или в Москву. Подчеркиваем: в Москву, а не в Варшаву.

Восстановленный мост вплотную подводит нас к теме о строительстве. Да, прав был товарищ, который рассказывал нам о росте Киева в качестве украинской столицы.

Надо честно признаться, что в наследство от прошлого киевлянам достался очень благодарный материал. Масса зелени, красивые холмы и чудесный Днепр, — словом, есть где развернуться. И, по нашему мнению, киевляне развернулись. Асфальтированный Крещатик с троллейбусом. Ленинская улица. Красноармейская улица. Новые жилые дома в Липках. Новые жилые дома на прежних окраинах. Гранитная набережная Днепра. И все это огорожено липами, каштанами, тополями.

Но киевляне взыскательны к своей работе. И Н. С. Хрущев на партконференции утверждал, что «у городских организаций еще нет вкуса к работе по благоустройству города».

Появится этот вкус, Никита Сергеевич, непременно появится!

Это — далеко не все, что мы хотели сказать о Киеве. Но в номере есть еще пятнадцать страниц.

«Богдан Хмельницкий»

ОТРЫВКИ ИЗ НОВОЙ ПЬЕСЫ А. Е. КОРНЕЙЧУКА
(Перевод с украинского)

Иллюстрации Н. Радлова

Зала в палате коронного гетмана — польского графа Потоцкого. Потоцкий стоит у стола. За ним князь Корецкий и иезуит — духовник Потоцкого. Входит шляхтич Пшигоцкий — из свиты Потоцкого.

ПШИГОЦКИЙ. Полковник Диркенштадт из лагеря приехал и хочет снова про гроши говорить с вами.

ПОТОЦКИЙ. Я ж в лагере дал ответ ему: нехай рейтары обождут!

ПШИГОЦКИЙ. Але он вас ожидает тут.

ПОТОЦКИЙ. Так заплатит ему!

ПШИГОЦКИЙ. Я б с радостью... але нечем...

ПОТОЦКИЙ. Як то нечем?! Что то за ответ, пане Пшигоцкий? Невжель я должен учить вас, где брать гроши?

ПШИГОЦКИЙ. Хлопы больше не дают. Я выжал из них все. За год вперед подати собрал, а мы те подати больше чем втрое увеличили против минувшего года.

ПОТОЦКИЙ. Увеличили втрое, и хлопы сплатили? Выходит, что в минувшем году они нас обокрали. Они платили одну треть того, что сейчас? Так, пане Пшигоцкий?

ПШИГОЦКИЙ. Так, яснелельможный гетмане!

ПОТОЦКИЙ. Кличьте полковника!

Пшигоцкий вышел, возвращается с полковником Диркенштадтом.

ПОТОЦКИЙ. Приветствую друга Жечи Посполитой!

ДИРКЕНШТАДТ. Я хотел передавать: германски рейтары интересант умирайт за наш гетман фон Потоцкий!

ПОТОЦКИЙ. Дзенькую. Что в лагере?

ДИРКЕНШТАДТ. О, зеер гут, герр гетман. Три ряды gros вали выкопаль хльоп. Мы приказать — хльоп делайть. Пушки поставит на вали, и нет сил, котори разбил наш лагерь.

ПШИГОЦКИЙ. А чи потребно такое укрепление нашего лагеря? Уже войско пана Стефана уничтожило Сечь Запоржскую, и нам — увы — воевать с этими схизматами¹ не доведется!

ПОТОЦКИЙ. То еще неведомо, пане Пшигоцкий. Здрайца Хмельницкий разослал универсалы, кобзарей и запорожцев по всей Украине. Хлопы поднимают головы, и еще неведомо, где враг дюжее: чи на Запорожье, чи тут, у замков наших.

ДИРКЕНШТАДТ. Правда, правда. Германски рейтары просят от гетмана гроши.

ПОТОЦКИЙ. Я ж сказал: треба обождать.

ДИРКЕНШТАДТ. Я передавай, але ждайль не можем. Три месяца пан Пшигоцкий не платил, мы больше ждайль не можем.

ПОТОЦКИЙ. Я дам вам город Смелу и двадцать сел на десять дней. Там хлопы повинны нам за минувший год подати. Согласны?

ДИРКЕНШТАДТ (молчит).

ПОТОЦКИЙ. И Черкассы с селами, там быдло головы подняло, наведите порядок огнем и мечом.

ДИРКЕНШТАДТ. Данке зеер, герр гетман. Германски рейтары хльопам, что поднималь голову, будут отрезаль голову, и тихо, тихо будет, герр гетман... (Поклонился и сел.)

Входит управитель, он что-то тихо сказал Потоцкому.

ПОТОЦКИЙ. Ведите их сюда. Панове! Здрайца Хмельницкий прислал сюда двух козаков с Запорожья, они распространяли слухи, будто у Хмельницкого сто тысяч вооруженного быдла. Это первый наш язык, и поэтому я решил вам их показать.

ПШИГОЦКИЙ. За великое счастье буду считать, яснелельможный пане гетмане, коли дозволите тут учинить допрос. В три минуты я хлопам развяжу язык.

ПОТОЦКИЙ. Добре!

Вводят козака Гаврилу и козака Шайтана.

ПШИГОЦКИЙ. Ведите сюда! (Подводят к нему.) Слушайте, вы, быдло, хлопы, разбойники, схизматы! На колена перед яснелельможным паном гетманом! (Показывает на Потоцкого.)

Гаврила и Шайтан молчат.

ПШИГОЦКИЙ (выхватил саблю). На колена!.. На колена!..

КНЯЗЬ КОРЕЦКИЙ, ИЕЗУИТ. На колена, хлопы! Схизматы! На колена!..

ПОТОЦКИЙ. Тише, панове! Спокойствие, спокойствие. Не мешайте пану Пшигоцкому.

ПШИГОЦКИЙ. На колена, пся крев, а то рассеку до земли! (Махнул саблею. Гаврила и Шайтан молчат.) А, быдла! (Ткнул саблею Шайтана в руку.) Будешь говорить?..

ШАЙТАН (почесал руку, сказал Гавриле). Палац добрый, а блох до чорта. Только что одна укусила в руку.

ПШИГОЦКИЙ. Пся крев! На колена станешь?! (Ткнул саблею Гаврилу в спину.)

ГАВРИЛА. Не иначе и меня блоха укусила. И наплодилось их тут!

КНЯЗЬ КОРЕЦКИЙ. Еще его!.. Еще! Сабелькою схизматов, сабелькою!..

ПШИГОЦКИЙ. Пся крев! (Ткнул концом сабли Гаврилу в спину.) От тебе, от тебе, от тебе!.. На колена, быдло!

ГАВРИЛА (Шайтану). Ну и щекочет...

ШАЙТАН. Держись! Скоро хмелю² привезут сюда, раскидают хмелю — и блохи подохнут.

ПОТОЦКИЙ. Захуйте саблю, пане Пшигоцкий! С ними треба говорить не так. (Обращается к козакам.)

¹ Схизматы — не католики.

² Запорожцы Хмельницкого называли Хмелем.

Слушайте, хлопы. Вас всю ночь будут жечь горячим железом, потом вырежут ленты со спины и посыплют солью, а утром посадят вас на высокие колы, чтобы мы из окна видели, як вы будете танцовать на колах. А колы будут медленно проходить ваши внутренности и аж только к вечеру выйдут горлом. Уразумели?

ШАЙТАН. Уразумели, пане, благодарим за ласку.

ПОТОЦКИЙ. От, видите, пане Пшигоцкий, такую речь хлопы разумеют и даже дзенькуют.

ШАЙТАН. Добре сердце у вас, пане Потоцкий. Не откажите перед смертью нам в просьбе.

ПОТОЦКИЙ. Говори.

ШАЙТАН. Прикажи, щоб нас посадили на низенькие колы.

ПОТОЦКИЙ. Почему?

КНЯЗЬ КОРЕЦКИЙ. Разве вам, хлопы, не все одно, чи посадят вас на высокий кол чи на низкий? Все одно он горлом выйдет.

ШАЙТАН. Ни, пане. Коли мы будем сидеть на низких колах, то вам, ясневельможный пане гетмане, и всему панству вашему сподручнее будет целовать нас в голый зад.

ШЛЯХТИЧИ. Пся крев!.. Пся крев!.. (Выхватили сабли.)

Запорожская Сечь. Выходят с инструментами кобзари, среди них Кривонос. Ганжа, вокруг которого великое скопление козак, кричит:

— Прощайте, счастливой дороги!

Поднял руку Кривонос — и все стихло.

КРИВОНОС (к кобзарям). Идите же от села к селу, по всей Украине нехай звенит ваша песня. Поднимайте народ, кличьте на бой с панами, ляхами. Складывайте думы про Хмельницкого Богдана... Идет Хмель, як орел с орлятами, ведет силу неодолимую, чтобы дух подымался, чтобы крылья росли у каждого, кто в хлопьях не хочет помирять, чтобы запалили палаты панские и освещали бы дорогу войску нашему в ночи! Прощайте ж, седые льцари!..

СТАРЫЙ КОБЗАРЬ. Прощай, Максиме, може, больше и не встретимся. (Обнялись, целуются.) На прощание споем мы тебе.

Сели кобзари, около них стоят Кривонос, Ганжа, козаки. Старый кобзарь починает первый куплет песни, потом спивают кобзари вместе с козаками.

Разлилися круты бережечки, гей, гей, по раздоли,
Пожурились славни козаченьки, гей, гей, у неволи.
Гей, вы, хлопцы, вы добри молодцы, гей, гей, не журитесь,

Посидлайте кони вороних, гей, гей, садовитесь!
Та поидем у чистое поле, гей, гей, у Варшаву,
Та наберем червоной китайки, гей, гей, та на славу;
Гей, щоб наша червона китайка, гей, гей, не злиняла,
Та щоб наша козацькая слава, гей, гей, не пропала!
Гей, щоб наша червона китайка, гей, гей, червонила,
А щоб наша козацькая слава, гей, гей, не змарнила!
Гей, у лузи червона калина, гей, гей, похилилася,
Чегось наша слава Украина, гей, гей, засмутилася.

А ми ж тую червону калину, гей, гей, та пиднимемо,
А ми ж свою славу Украину, гей, гей, та развеселимо!¹

С последним куплетом идут кобзари, за ними козаки. Остаются только Кривонос и Ганжа. Они дивятся им вслед, слушают песню, что все дальше уходит. И тихо запел Ганжа, а за ним Кривонос:

А ми ж тую червону калину, гей, гей, та пиднимемо,
А ми ж свою славу Украину, гей, гей, та развеселимо!
Выстрел из пушки, один, другой, третий.
КРИВОНОС. Войскова рада починается. Ходим, Ганжо!
(Обнялись, пошли в фортецию.)

А. Корнейчук

¹ Эту песню создал украинский народ в 1648 году.

Ты нужен нам не златоглавый,
Не занятый самим собой,
И не с чуприной, и не слабый,
А полный сил и нашей славы,
Из юных — самый молодой!

Врага ты в дрожь бросаешь, Киев,
Он выжег бы тебе глаза.
Но тщетны помыслы такие:
Разрушил ты дорогу змиев,
Твердыня наша — им гроза!

Не дышат — ждут средь бездорожий
«Святые» в подлости своей.
А зашевелится вельможи,—
Их так ударь по черной коже,
Чтоб ворон не собрал костей!

Фашист приятеля встречает,
Бандиту ручку жмет бандит.
Мы знаем: это означает,
Что зверь другого величает
И, величая, говорит,

Что, дескать, тесно им в Европе,
Что пыл их расовый взыграл,
Что скучно им сидеть в окопе,
Что им пора б — себя горопят —
На Украину, на Урал!

Давно уже мечтают дерзко
О Киеве под бунчуком
Или короною имперской,
Чтоб встал ты чернецом печерским,
Подрысник свесив над Днепром.

Но не монахом неказистым
Тебя возносит высота,
Не в темных клеймах, а лучистым,
Подобным ясным аметистам:
Хоть лавра есть — она не та!

И плечи у тебя тугие,
И руки у тебя крепки,
Историю ты движешь, Киев!
Хоть древняя стоит София,—
Вокруг нее — гудки, гудки!

И пионер идет к воротам,
Где лики выцвели святых.
И над Днепром, за поворотом,
Играют дети, как по нотам,
На трубах чисто-золотых!

Ты нужен нам не златоглавый,
Не занятый самим собой,
И не с чуприной, и не слабый,
А полный сил и нашей славы,
Из юных — самый молодой!

П. ТЫЧИНА

Перевел Ник. Ушаков

Дружеский шарж К. Рогова

На стр. 4—5 этого номера помещены отрывки из пьесы украинского драматурга Александра Евдокимовича Корнейчука «Богдан Хмельницкий». А это он сам, собственной своею персоной: Корнейчук, А. Е., 1905 года рождения, кандидат в члены ВКП(б), драматург, секретарь союза писателей Украины, депутат Верховных Советов СССР и УССР. Изображен нами в виде кобзари, ибо подобно этим народным певцам поет старину своей родины — см. стр. 4—5, где помещены отрывки из пьесы А. Е. Корнейчука «Богдан Хмельницкий»... Впрочем, об этом уже сказано выше.

Дружеский шарж Ю. Ганфа

Мария Миронец — бригадир колхозного парникового хозяйства и поэтеса. С обеими специальностями справляется отлично.

Ну-ка гряньте, музыканты, веселей;
 Что не час, то веселее на селе.
 Жизнь наша шумовита, молода,
 Не было такой нигде и никогда.
 Богатеет, расцветает день от дня
 Наша дружная колхозная семья.
 Есть одежда, деньги есть и трудодни,
 И под старость не останемся одни.
 Первомаем, в светлый праздник Октября
 В пляс пушусь я, закивают тополя.
 Улыбнутся дуб столетний, старый клен,
 Не видавшие вовек таких времен,
 И береза, белолица и ясна,
 И зеленая мурава, и весна.
 В новой хате половицы задрожат,
 До чего же жизнь в колхозе хороша!
 Как не радоваться нам, не ликовать —
 Близок час в Совет Верховный выбирать.
 Депутаты — наши дочки и сыны.
 Никакие вражьи силы нестрашны.
 Под водительством любимого вождя
 Мы добились веселого житья.
 Ну-ка громче, музыканты, веселей,
 Чтобы песни наши слышали в Кремле.
 За великую победу, за наш край,
 За высокий и обильный урожай!

МАРИЯ МИРОНЕЦ

(Перевод с украинского)

Важна особа.

Солнечным, погожим утром к дому отдыха под'ехал запыленный автомобиль. Трое взрослых и десятилетняя девочка вышли из машины. Все четверо — двое мужчин, женщина и девочка — вошли в контору дома отдыха.

Женщина, сказав девочке «Стой смирно, Галочка!», подала свою путевку за барьер.

Сотрудница дома отдыха лениво поглядела на документ, перевернула его, снова перевернула и равнодушно сказала:

— Ваша путевка недействительна. Эти путевки аннулированы, а на место их новые, с печатями АХО СКУЗО. Понятно?

— Где же мне могут поставить эту печать АХО ПУЗО?..

Протягивая пальцы к следующему посетителю, сотрудница пробурчала:

— Здесь этих печатей не ставят. Следующий! У вас что?

Горбоносый человек с черными глазами — по всей видимости кавказец — подал свою путевку.

— И ваша тоже недействительна. Комнаты дать не можем.

Кавказец, мгновенно побагровев, громко стал упрекать сотрудницу в бюрократизме, равнодушии, волоките.

— Где заведующий?! — кричал кавказец.

Все с тем же равнодушием сотрудница указала на дверь в кабинет и обратилась к последнему посетителю в рубашке с отложным вышитым воротом.

— А вам что?

— Та (не «да», а «та», сказал он), та у меня такая же самая бумага.

— Покажите!

— Та чего ж я буду казать, раз воно недействительно?..

— Как хотите! — пожала плечами сотрудница.

Очень скоро из комнаты заведующего домом отдыха вышли кавказец и женщина с ребенком.

— Я сейчас прррямо иду на телеграф! — горячился кавказец. — И прррямо даю телеграммы в Москву: в Наркомздрав и прокурору.

Женщина махнула рукою:

— Что там телеграф!.. Я лучше поищу, где нам с Галочкой сегодня ночевать? А вы, товарищ, пойдете с нами?

Товарищ в расшитой рубашке погладил усы и ответил:
 — Та ни... Я лучше тут почекаю трошки... Я людына упрямый..

Гражданин в расшитой рубашке присел на колченогий стул, поставленный для посетителей, и, чуть прищурив глаза, стал осматривать помещение. Встретивши взгляд сотрудницы, он качнул подбородком и спросил:

— Трудная у вас работа чи нет?

— Конечно, нелегко! — обиженно отозвалась сотрудница и, тут же спохватившись, добавила: — А вам зачем знать? Кто вы такой?..

— Та я ж вам казав: путевка у меня.

— А-а...

В скорости вошла работница столовой в белой косынке и халате. Она нагнулась над барьером:

— Олечка, вы не забудьте: картофель уже весь. Требование надо послать.

А человек в расшитой рубашке спросил:

— А що много вам ее треба — цей картошки?

— Да порядочно: 40—50 кило в день...

— Мамо моя!.. А где же вы добываете?

— Когда как... — начала было работница столовой, но суровая Олечка перебила ее:

— Гражданин, почему вам до всего дело? Что вы спрашиваете?!

— А хйба же нельзя? — мягко удивился гражданин. — Я про картошку пытаю, не про военны якись тайны...

Затем вошел человек в тюбетейке и казенной буро-голубой пижаме: явно один из отдыхающих.

— Там мне продлить надо путевку, — сказал он, — на три дня...

— Знаю, — отрезала сотрудница, — обождите!

Отдыхающий с покорным вздохом присел рядом с гражданином в расшитой рубашке. Этот последний выдержал минутную паузу, а потом отнесся к отдыхающему:

— А що, харчи тут, в доме, подходящие?

— Жаловаться не приходится,— рассудительно ответил отдыхающий.

— Гражданин! — гаркнула сотрудница. — Какое вы имеете полное право все расспрашивать?! Вот я сейчас заведующему скажу!

И сотрудница, рванув стулом, хлопнув калиткою барьера и дверью кабинета, влетела к заведующему. Через минуту она тащила уже своего начальника за плечо крича:

— Вот! Полюбуйтесь, Николай Логгинович: сидит здесь два часа и всех обо всем расспрашивает. Прямо какследователь какой-то!

— Предъявите путевку! — строго сказал заведующий.

— Та зачем? Она ж недействительна.

Заведующий подумал, покусал ноготь и несколько другим тоном спросил:

— Вы обследователь, да?

— Та вам зачем знать?! Я ж никого не трогаю. Вот посижу ще прошки та и пойду себе...

Заведующий надкусил ноготь уже с хрустом и громким шопотом адресовался к сотруднице:

— А много народу вы при нем не пустили к нам из-за печати?

— Двоих,— с присвистом прошептала сотрудница,— плюс ребенка.

Заведующий покачал головою, потом стукнул костяшкой указательного пальца по барьеру, а кончиком пальца — себя по лбу. Потом он повернулся к человеку в расшитой рубашке, сперва широко улыбнулся, а потом уже сказал:

— Обследователь вы, товарищ, или не обследователь, это нас глубоко не интересует. У нас формального подхода нет. То же и с печатью: была бы, как говорится, путевка, а печать приложится. Разрешите показать вам вашу комнату?

Гражданин в расшитой рубашке нахмурил брови и сказал:

— Добре. Только наперед мне треба сходить до своих вещичек.

— У вас же один чемодан был,— ревниво заметила сотрудница,— вот он подле вас стоит.

— Прошу вас, товарищ, идите за вашими вещами, а я вас буду ждать у комнаты № 23. Бельэтаж.

— Добре.

Через двадцать минут встреча состоялась именно у двадцать третьей комнаты: заведующий, распахнув дверь в комнату, с гостеприимной улыбкой позванивал в коридоре ключом, а гражданин в расшитой рубашке с некоторой натугой нес к комнате два чемодана. За ним, робко озираясь, шла известная нам женщина с дочкою Галочкой.

— Сюда, сюда! — любезно покрикивал заведующий и, уже вручив ключ, внутри комнаты спросил: — Вероятно, супруга ваша?

— Ни. Моя дружина дома осталась,— отозвался гражданин в расшитой рубашке. — А это гражданка, у которой тоже печати нема. Вот она здесь и буде тепер жить.

С этими словами он передал женщине ключ и жестом пригласил заведующего оставить комнату.

В коридоре заведующий сумрачно сказал:

— У меня для вас есть еще один номер. Только он на двух...

— От гарно! А у меня как раз товарищ есть, який тоже нуждается у комнате. Тоже — без печати...

Вечером за ужином все четверо пассажиров автомобиля сидели за одним столом. И кавказец, с аппетитом поедая сырники со сметаной, говорил:

— Прямо я на вас удивляюсь! Что вы им сказали такое?

— Та ничего. Вони говорили, а я молчав. Ции бюрократы не любят, когда до них долго присматриваются...

— Замечательно!

— Та ни... Я всегда говорив: у меня особа — дуже важна. А дружина моя — Одарка Павловна — та мне не верит...

— Да вы сами откуда, Микола Петрович? — спросила женщина, поправляя Галочке сбившуюся косичку.

— Та с Киева. Есть такое мистечко на Днепре, може, чуяли?..

В. Ардов

Рис. Ю. Ганфа.

СТАРЫЕ СЧЕТЫ С КИЕВОМ

НЕМЕЦКИЙ ХОЗЯИН: — Теперь подсчитаем наши итоги на Украине.

ПОЛЬСКИЙ ПРИКАЗЧИК: — Считайте, пане, считайте... Я уже считал: одни сплошные убытки!

В огороде бузина, а в Киеве — дядя

Вот какую удивительную жалобу мы получили по приезду в Киев.

Там, в Киеве, по Пушкинской улице, дом 19, проживают братья Богатыревы. Их три брата: Лев, Давид и Владимир. Три года назад эти братья избили депутата горсовета тов. К.

Возникло дело. Народный суд Ленинского района присудил милых братьев к разным срокам наказания.

Но проходит, представьте себе, несколько месяцев, и все видят, что братья попрежнему шляются на свободе, посвистывают, задевают жильцов дома и, вдобавок, начинают травить жалобщика К. И даже избивают его жену.

Тогда президиум горсовета, удивившись, что бывают такие случаи, передает это дело прокуратуре, чтобы выяснить, почему не состоялось наказание. Полтора года дело не двигалось. Наконец, в октябре 1937 года прокуратура предложила районному прокурору вновь расследовать все дело.

Районная прокуратура, в свою очередь, предложила расследовать дело начальнику районной милиции.

Начальник районной милиции предложил расследовать дело надзирателю.

Надзиратель тоже был бы, вероятно, рад предложить еще кому-нибудь заняться этим делом. Но не тут-то было. Подчиненных у него не было. И он сам приступил к «разматыванию дела».

Он приступил к следствию в январе 1938 года и вел его больше месяца.

Наконец, начальник милиции, возмущившись волокитой, предложил надзирателю Михайличенко закончить следствие в трехдневный срок.

Но проходит еще месяц, и, как говорится, ничего в волнах не видно.

Братья-разбойники, осмелев, вновь начали понемножку дедовить, задевали жильцов, издевались над ними, угрожали «вообще к чорту убить этого К.», поскольку за это «им ничего не будет».

Тогда жильцы начали понимать, что какой-то добрый дядя «ворожит» братьям.

7 мая жалобщик направился в областную прокуратуру. Там исключительно возмутились делом и обещали тотчас выяснить, что случилось.

Но проходит еще некоторое время, и снова тишь, гладь и божья благодать.

Тогда К. написал жалобу в газету «Большевик».

Редакция запросила о деле облпрокуратуру.

Облпрокуратура запросила райпрокуратуру.

Райпрокуратура запросила начальника милиции.

Начальник милиции запросил надзирателя Михайличенко.

Наконец, облпрокуратура ответила газете: «Материалы по обвинению Богатыревых подтвердились».

Казалось бы, что деятельности братьев пришел конец. Но не тут-то было. Снова потекло следствие.

Короче говоря, прошло три года с тех пор, как братья избили депутата горсовета.

Три года шли неслыханная канитель и волокита. Три года кто-то явно покровительствовал братьям.

Мы не знаем, кто им покровительствовал. Знаем только, что следствие велось возмутительным образом.

Надзиратель Михайличенко посещал квартиру братьев и там им зачитывал весь следственный материал, знакомил их с документами. Туда же, на квартиру Богатыревых, вызывал свидетелей и там с ними беседовал.

Даже если этот надзиратель неповинен в покровительстве братьям, то он повинен в том, что нарушил основные положения кодекса в части ведения следствия.

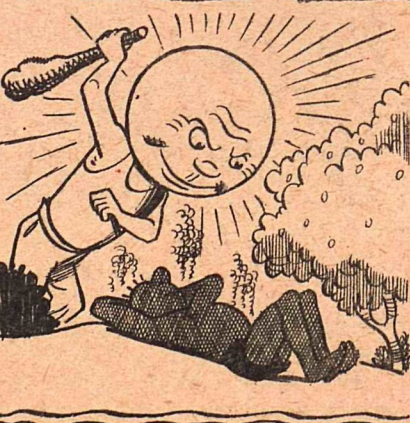
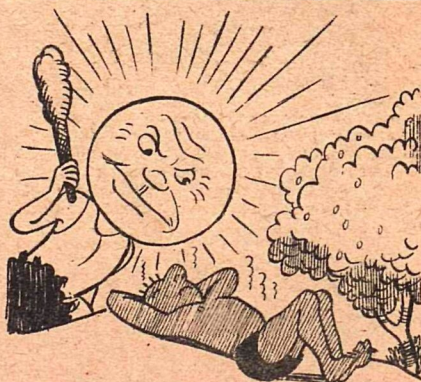
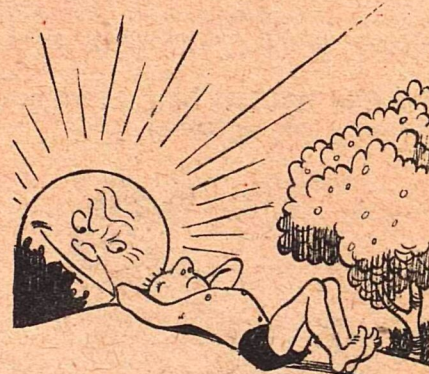
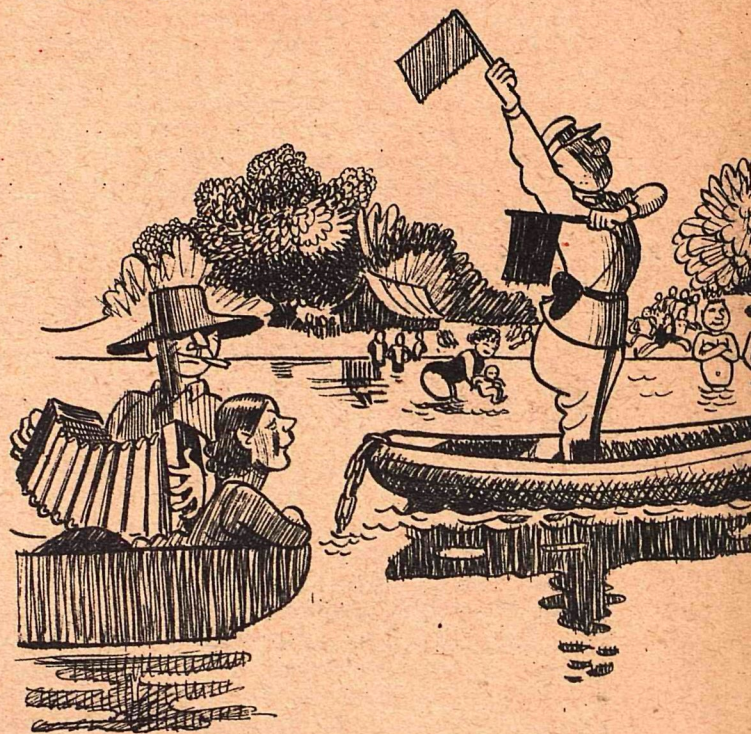
В общем, безобразное дело следует поскорее закончить. Вот уж действительно — в огороде бузина, а в Киеве — дядя.

Надо бы добраться до этого дяди.

Мих. Зоценко

ШУМЕН ДНЕПР ПР

Рис. Ю. Ганфа.

Что и говори где старик омывае ники Ю. Ганфу п место на отдельн дождик изобразил блюдательный худ пляж усыпан челл занимательных ист поро значительно

Однако до то на милиционера р мяче сказать?.. посреди реки, до на лодке. На яко только сигнальн обеспечен этот по А стоит якобы дл вать это самое дв И притом же — ло, чтобы, не дай бо жения. Все преду

Вот и переп милиции (которая, описание случая, мы бы сказали, в прозрачные, све ными криками, ко цените деликатнос а на самом деле подобием. Намеки

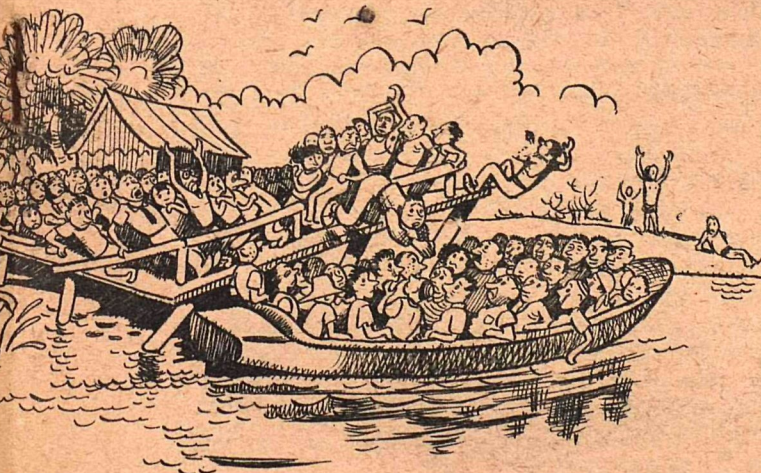
И, наконец, т киевское солнце р разил даже в уго киевском пляже.. изобразить, ибо на пе хватает, кроме, не всегда губящег

...т — чуден Днепр при тихой и всякой иной погоде. Но в той части, где Днепр, не все и не всегда благополучно на полных водах его. Художник-прирожденная скромность помешала изобразить все то, что имеет подчас свой, как говорится, зеркальных поверхностях великой реки. Чуткий художник изобразил пляж сравнительно немногочисленным, тогда как киевский пляж славится своими телами в три слоя и на этой почве происходит много прерогатив... Но художник остается художником, и на следующем рисунке его ближе к тому, что иногда происходит при переправе на другой берег. Когда, как перейти к этому второму рисунку, недурно обратить внимание на реку, река, который, по замыслу киевских... гм, ну, как бы это по замыслу киевских голово... ну, эти головотяпы придумали, чтобы середины которой, как известно, долетит редкая птица, стоял «постовой» — заметьте. Т. е. сдвинуться с места он никак не может. Может он флажками (а флажковых сигналов почти никто не понимает). И еще стовой в бурную погоду морской болезнью, поскольку он обязан стоять на том, чтобы регулировать движение лодок. А как он может регулирование этих самых лодок? Лодки — не автомобили, номеров на них нет. Как плывет, а регулировщик стоит на якоре. Словом, все предусмотрено, и не вышло хоть чуточку толку из этого регулирования лодочного движения. Просто на диво мероприятию!

...рава. Кто не верит изображенному, может в архиве киевской речной милиции несомненно, содержит свои архивы в полном порядке) найти красочное изображение места в июне сего года. Случай был чрезвычайно простой и, как ожидалось: провалились мостки, и многие десятки киевлян окунулись в холодные воды родной реки... Воздух огласился громкими и недвусмысленными возгласами слух той же киевской речной милиции, но... опять-таки — нашего художника — на его рисунке только один человек летит в воду, а остальные — и очень многие... Ну, да уж бог с ним, с таким правдоподобием и без того достаточно вытнны.

...ретий рисунок. Здесь тоже на одном примере, показывается, как жаркое солнце справляется с отдельными конкретными людьми. Но художник не изобразил своего рисунка врача, хотя бы одного врача на многотысячном пляже. Но тут наш художник на полной высоте: врача-то как раз он не мог изобразить, прекрасной воды Днепра, золотого песка и чудесного, далеко от людей, ослепительного украинского солнца...

Сильная команда

Киевляне по праву гордятся своим стадионом.

У членов императорской фамилии было тонкое обоняние. Поэтому, когда их величества и высочества всемилошнейше соизволяли прибывать в Киев на богомолье, овраг, с которым графинит дворцовый сад, отцы города засыпали известью, чтобы не смердело: в этот овраг старый Киев издавна сваливал мусор и нечистоты.

Но что было по душе отцам и благодетелям из Киевской думы, то пришлось не по нраву Киевскому городскому совету. Свалка была уничтожена. Овраг отдала во власть строителей, архитекторов, скульпторов и садовников. На месте свалки были воздвигнуты колоннады и портики, скульптуры и фонтаны, разбиты аллеи и куртины, сооружены корты и танцевальные площадки. Даже строгий критик не придерется к плодам этого творчества — стадион вышел на славу.

Он спускается к городу широкими террасами. На верхней — футбольное поле с трибунами на 30 тысяч человек.

Часто мест на трибунах не хватает. Тогда наиболее заядлые болельщики с ловкостью молодых пантер взбираются на старые липы и каштаны, цепью опоясывающие трибуны. Рассказывают, что однажды, когда болельщики пришли в неистовство по поводу какого-то важного происшествия во время одного из матчей, отягощенный сук дерева не выдержал, подломился — и рьяные любители спортивных зрелищ поверглись прямо на середину футбольного игровища.

На сей раз зеленое поле топтали бутсы московского «Металлурга» и киевского «Локомотива».

Наибольшим успехом у зрителей пользовался стоявший в защите «Локомотива» заслуженный мастер спорта Константин Фомина. Почти половина киевлян, принадлежащих к какому-либо спортивному обществу, считает Фомина «своим». Это объясняется

дьявольской работоспособностью и энергией этого мастера спорта. Фомина состоит членом «Динамо», является председателем киевского «Спартака» и выступает за «Локомотив». Завистники и недруги Фомина клеветают, что его руководство не спасает «Спартак» и общество это в Киеве почти развалилось. «Спартак» якобы даже не допущен до календарных игр. Сплетники, далее, утверждают, что корнем излюбленных в спортивном лексиконе терминов «партач», «напартачил» является испорченное «спартак» и что правильнее будет произносить «спартач», «наспартачил». Но это мы оставляем на совести самих сплетников.

Между тем по полю летал мяч, бегали инсайды и хавбеки, прыгали, уподобляясь кенгуру, вратари.

Вскоре стало очевидно, что киевская команда явно берет перевес. Изнеженные москвичи то и дело валились на землю от неожиданных ударов противника: противник бил непосредственно по ногам москвичей, а не по мячу. На поле то и дело выбегали медработники в белых халатах. Как ни печально, но приходится отметить, что уже к концу первого тайма двое москвичей чего-то трусливо покинули поле, опираясь на санитаров.

Наряду с отмеченной изнеженностью москвичи продемонстрировали также и невежливость. Гостеприимные киевляне тонко обвели их. Очевидно, желая доставить приятное своим гостям, хозяева только делали вид, что защищают свои ворота. А недобродящие москвичи посылали туда гол за голом. Не понимая тонкостей обращения, москвичи в ответ на эту любезность не догадались сами пропустить в свои ворота хотя бы один мяч. Так и окончился этот матч со счетом 3:0 в пользу московской команды «Металлурга».

А стадион в Киеве хорош. Отличный стадион!

Н. Павлов

ЕСТЬ В КИЕВЕ НАРКОМХОЗ

Мы должны сразу отметить небывалую любовь к планированию городов, которую мы заметили в Киеве. Подчеркиваем: городов (множественное число), а не города.

В городе Киеве, в Наркомхозе Украины, хранятся с 1935 года: план города Лисичанска, с 1936 года — планы городов Ворошиловграда, Мариуполя, Краматорска, Макеевки. Помимо того в Наркомхозе имеются планы городов Серго, Артемовска, Славянска, Константиновки, Красного луча и других.

И любовь к планированию в Наркомхозе столь велика, что наркомхозовцы не могут расстаться ни с одним из этих планов. Годы идут, на местах в перечисленных выше городах люди откладывают мало-мальские серьезные планировочные работы, повторяя:

— Вот уже получим из Киева утвержденный правительством план города, тогда и будем разбивать здесь север, там площадь, а там пристань... А пока, до получения плана, как-нибудь уж перебежусь.

И перебиваются. А Наркомхоз живет богато, планов у него много, и все это чужие планы, нужные ему так же, как нам нужны списки сотрудников Наркомхоза Украины.

Впрочем, нет! Мы бы с удовольствием посмотрели штаты Наркомхоза Украины. Может быть, по ним можно будет установить, кто задерживает проекты городского строительства от трех до одного года?

Ночь на Лысой горе

Первым возник из темноты тучный коротконогий призрак в клобуке и шолковой рясе.

— Стареем, полковник, стареем, — сказал он, зябко потирая руки. — Теплая ночь, а мне как-то прохладновато.

Жандармский полковник Новицкий буркнул в ответ что-то неопределенное.

— А между тем, — продолжал духовный призрак, поеживаясь, — тянет иногда посмотреть на ночной Киев. А вас, господин полковник, тянет? Во-он, например, виден университет святого Владимира.

— Помню, ваше высокопреосвященство, помню, — ожилилась тень полковника, — 37 лет прошло, а как сейчас помню. Как же, как же, я тамошних студентов отдавал в солдаты.

— Богоугодное дело изволили свершить, полковник, — кратко отметил призрак митрополита киевского и печерского.

— Опять-таки, — басила тень его высокоблагородия, — и вам, ваше высокопреосвященство, есть что вспомнить, глядя на Киев. Припоминаю, вы были, пардон, не дурак по части несовершеннолетних девиц...

— Был грех, был грех, — охотно согласилось митрополичье привидение. — Любил, грешник, вкушать объятия малолетних отроковиц. Но, обратите внимание, полковник, во-первых, усердно возносил при сем молитвы господу-богу и, во-вторых, сии греховные, но сладостные поступки свершал не один, а купно с его высокопревосходительством генерал-губернатором. А какие, доложу я вам, симпомпончики были сии отроковицы, царствие им небесное!..

Обе тени отплыли к призрачной стойке с горячительными напитками. Опрокинув по баночке, призрачной (увы!) смитновской водки, они проследовали дальше, к южному склону горы, где слабо мерцало голубоватое видение разухабистого кафешантана. На открытой эстраде толстое шансонеткино привидение высоко задирало ноги и пело дурным голосом:

«Коль мужчина немножечко лыс,
Для меня это сущий сюрприз.
Это значит, что он уж пожил,
Потерял свой юный пыл».

За столиками, расставленными перед эстрадой, сидели пьяные сахарозаводчики, офицеры и помещики в дворянских картузах. Они мазали нереальной горчицей физиономии призрачных официантов и поили коньяком накрашенных хористочек с тоскливыми, голодными глазами.

Сейчас же за кафешантаном начинался парк. Его бледные эфемерные ворота колебались над кустарниками, как паутина на ветру. На воротах висела дощечка:

«Нижним чинам и собакам вход воспрещен».

Множество видений обоего пола, звеня призрачными шпорами, шаркая призрачными подошвами, кокетливо постукивая высокими призрачными каблучками, степенно совершали свой привычный ночной променад по Лысой горе.

— Извиняйте, — обратилась вертлявая женская тень к озабоченно шагавшему пожилому привидению с длинными редкими усами. — Извиняйте за беспокойство, чи я ошибаюсь, или вы есть Василий Витальевич господин Шульгин?

— Вы не ошибаетесь, мадам Чеберяк, — галантно ответил призрак редактора «Киевлянина». — Как дела на вашей многуважаемой воровской малине? Знаете что, сядемте в сторонку и тихо, по-стариковски, сыпраем в дело Бейлиса и вспомним благоговейно его величество, неоднократно оказывавшего вам августейшее свое внимание.

— Так это ж потому, Василий Витальевич, — горделиво приосанилась тень Веры Чеберяк, — это ж потому, что я была истинно русская. Это же прямо удивительно, до чего я была истинно русская за сравнительно небольшие деньги.

— Что то ест? Что я слышу? Что я вижу? Господин Шульгин? Мадам Чеберяк? Какая роскошная встреча! — к беседававшим, сопя и отдуваясь, спешил толстый, обрюзгий призрак седого человека. — Разве ж вы меня не помните? Ай-ай-ай! Как то ест стыдно. Так я ж Розмитальский. Истинно русский поляк, содержатель истинно русского публичного дома и истинно русской ссудно-кредитной кассы. Ай-ай-ай,

как то ест стыдно, цо вы не помните такогo активного члена союза русского народа.

Призрак Розмитальского волок за собою под руку тень вертлявого рыжего коммерсанта. Тень застенчиво упиралась.

— Господа, вот это ест господин Марголин, негодичант и пароходчик. Превосходный человек. Будучи иудеем, построил на Трухановом острове на собственные средства православную церковь неопикуемого благолепия.

Василий Витальевич брезгливо протянул рыжему призраку два пальца.

Где-то вблизи явно разрастался скандал. Какие-то почтенные, пожилые призраки в котелках что-то исступленно кричали и, угрожающе размахивая пивными бутылками, порывались наброситься друг на друга.

— Это члены городской думы. Так сказать, отцы города, — пояснил Марголин, хихикая. — Господин Добрынин кричит господину Демченко, что тот, во-первых, вор, во-вторых, взяточник, в-третьих, жулик, в-четвертых, босяк и, в-пятых, христопродавец. Господин Демченко кричит господину Добрынину, что тот, во-первых, христопродавец, во-вторых босяк, в-третьих, жулик, в-четвертых, взяточник и, в-пятых, вор. И, обратите внимание, оба абсолютно правы. Чтоб я так жил.

— Все-таки неудобно, — поморщился Василий Витальевич, — именитые киевляне, истинно русские люди, а ругаются, как околоточные надзиратели.

Издадека, с Днепра, доносились веселые звуки оркестра.

— Это, наверное, играют в Царском саду. Хотя, может быть, в купеческом, — задумчиво произнес колеблющийся холеный призрак в опереточном жупане. — Помню, когда я еще жил не в этом хохлацком Киеве, а в Петербурге, при дворе его величества...

— Боже мой, как вы изволили отстать от жизни, ясно-вельможный пан Скоропадский. Позвольте покорнейше вас поправить: купеческое собрание давно занято советской властью под дом ихних пионеров и школьничков. А играет музыка, надо полагать, в бывшем «Шато де флер», на стадионе «Динамо», поскольку там, наверное, сейчас танцы под оркестр.

Тень гетмана Скоропадского обернулась к говорившему и вперилась в него злыми, подозрительными глазками:

— Позвольте, милостивый государь, откуда у вас такие точные сведения о большевистском Киеве?

— Как вам сказать, — замялся неизвестный призрак, — но в общем, проникнув, так сказать, на некоторое время в ряды э-э-э советских работников, я и мои друзья, — при этом он указал рукой на прогуливавшуюся невдалеке группу теней, — конечно, могли бы вам кое-что объяснить в...

— Что такое?! — всполошился ясно-вельможный призрак и заорал на всю Лысую гору: — Караул! Тут какие-то странные личности! Городовой!..

— А ну, разоидись! — цыкнул призрак германского генерала Эйхгорна на мигом собравшуюся толпу. — Будьте любезны как германский чиновник вежливее обращаться с сотрудничками германской разведки.

— Какой приятный сюрприз! — фальшиво восхитился Скоропадский, пожимая руку одному из неизвестных призраков. — Очень приятно познакомиться. Извиняюсь, вы в каком году тихо скончались?

Лысый невысокий призрак деловито отвел в сторону тень Симона Петлюры и конфиденциально прошептал:

— Будьте любезны, пане добродию, нас тут несколько десятков польских шпионов, и мы хотели бы...

В эту минуту где-то далеко внизу прокричали первые петухи — и все призраки медленно растаяли в воздухе. Ласковое веселое солнце, наспех скользнув лучами по опустевшей, открытой ковчегом и чахлым кустарником Лысой горе, осветило прекрасную столицу Украинской Советской Республики. Вверх по Днепру проплыли первые пароходы. По железнодорожному мосту, громяхая, шли тяжелые железнодорожные составы. Город ожил после сна, и солнце встало над Киевом, как часовой на границе.

Л. Лагин

Дружеский шарж К. Ротова

Ну, да! Да, да! Это Демченко Мария. Та самая, которая была зачинательницей движения пятисотниц (потом—тысячниц, а теперь—тысячниц с гаком). Та самая, которая теперь в Киевском сельскохозяйственном институте слушательницей. Депутат Верховного Совета СССР. Теперь знатная киевлянка. Пользуемся таким поводом, чтобы украсить свой номер портретом Марии Демченко.

А это Гусятникова Прасковья Васильевна. Она же стахановка киевского завода Укркабель. Она же начальник цеха ширпотреба этого завода. Она же орденосеиц. Она же депутат райсовета. Она же член областного исполнительного комитета. Она же депутат Верховного Совета Союза ССР. Вот и все. И только. Но полагаем, что и этого достаточно, чтобы считать Прасковью Васильевну знатной киевлянкой.

Дружеский шарж Н. Радлов

С чего началось

Сейчас, сейчас разберемся и в этой картинке. Значит, посвящена эта картинка Димитрию Ефимовичу Камыщенко.

На сегодняшний день является Димитрий Ефимович Камыщенко:

- 1) агрономом,
- 2) инженером,
- 3) директором Института научных методов сева,
- 4) орденосеицем,
- 5) депутатом Верховного Совета СССР
- 6) членом ЦК КП(б)У.

А с чего все началось? Началось все именно с того, что Д. Е. Камыщенко изобрел новый метод сева. Конечно, у нас не агрономический журнал. Мы не можем входить в рассмотрение разных технологических трудностей. Нам и без этих трудностей своих хлопот хватает. Но только что если сеять по методу Камыщенко, то злак вырастает такой высокий и такой ровный, каким он изображен на нашем рисунке. И это сознательно художник так нарисовал, что Камыщенко (посередине) и двух его ближайших помощников — бывших колхозников Корсунского района, а ныне научных работников Федора Захаровича Крота (справа) и Маркела Тимофеевича Зайку (слева) — почти не видно из-за пшеницы.

И еще, не прибегая к описанию технологических трудностей, скажем, что в этом году по методу Камыщенко засеяно уже около миллиона га и что сеялок нового типа, изобретенных Камыщенко, выпущено уже восемь тысяч штук. Как устроены эти сеялки, распространяться не будем, скажем только, что они укладывают каждое зернышко в землю так, что у каждого у них своя жилая площадь и вроде как собственная столовая.

И вот человек, который увеличивает урожай в 3—4 раза единственно только методом посева, такой человек, конечно, не мог не вызвать ярости у тех самых лжеученых, которым крайняя неохота выходить за собственную свою скорлупу. Отзывчивый художник нарисовал и ученого, со всей его подсобной литературой, состоящей из новинок XX века до рождества христового. Ученый здесь нарисован как бы в собирательном виде.

Ну вот и разобрались в научном рисунке. Пошли теперь дальше.

Дружеский шарж К. Ротова

Киевские каштаны

Каштаны Киева над нами
Цветут в передраственной мгле,
И лепестки за лепестками
Слетают медленно к земле.

Теплом овсян и покоем,
Прекрасный день опять встает,
В свое приволье голубое
Весна зовет меня, зовет!

Струится легкий шолк туманов
По замечтавшимся садам.
О город солнечных каштанов,
Останься в сердце навсегда!

И дай высокую мне силу,
Чтоб песня в этот светлый час
Твоим величием легкокрылым,
Твоей красотой, звуча, лилась!

Каштаны Киева над нами
Цветут в передраственной мгле,
И лепестки за лепестками
Слетают медленно к земле.

ЮРИЙ КАРСКИЙ
С украинского перевел
Сергей Городецкий.

Украина

Я видал твой поля и хаты,
Песни украинские слышал.
Из вагона кепкою помятой
Незнакомым девушкам махал.

По оврагам, вниз бегущим косо,
По полям, где уйма птах поет,—
Золотое время сенокоса
Никому покоя не дает...

И любое дело — не обуза,
Если дело делают любя...
Житница Советского Союза,
Украина, так зовут тебя.

Но такого званья слишком мало,
Потому что вся твоя земля
Славится как родина металла,
Голубого света и угля.

И встаешь ты краше год от года...
Нет такой республики у нас,
Где бы песни твоего народа
Не звучали каждый день и час.

А когда в моей родной столице
Слышу украинские слова,
То хочу сказать приезжим лицам:
«Поглядите, вот моя Москва.

Я готов проехать вместе с вами
На метро — его я строил сам,—
Обменяться нежными словами,
Улыбнуться новым корпусам...»

И на них смотрю я долго-долго...
Как родным желаю им добра,
Будто вырос я не там, где Волга,
А скорее где-то у Днепра...

СЕРГЕЙ СМЕРНОВ

Еще о достопримечательностях

...И вот разговорились в Киеве киевлянин с москвичом.

— Да-а-а,— сказал киевлянин,— погостите у нас, погостите, полюбуйтесь нашим городом.

— Как же, как же,— любезно отозвался москвич.— Мы с этой целью и приехали. И не только город: окрестности все осмотрим. Вот я, например, собираюсь в Киево-Печерскую лавру. Правда, что там какие-то катакомбы? И будто в катакомбах мощи?.. То есть, мнимые мощи?..

— Как вам сказать? — смущенно сказал киевлянин.— Говорят, говорят. Сам я как-то не был в лавре...

— Не может быть! — всплеснул руками москвич.

— Представьте, не был. Все как-то некогда. Дела, знаете: общественная нагрузка, командировки, вот на той неделе семью на дачу отправлял...

— Так вы, значит, и о мощах ничего не знаете и вообще обо всех этих обманах, которыми монахи привлекали богомольцев?

— Вообще, знаете, религиозные предрассудки... Они... это... Наука с ними несогласна.

Москвич поджал губы:

— Это я сам знаю, про науку. Но как-то странно: живете в Киеве и не удосужились посмотреть лавру.

— Я же говорю: служба, потом семью на дачу отправлял.

— Ну бог с ней, с лаврой. Что меня, москвича, поражает в Киеве, это — обилие зелени. Тополя уж очень хороши. Кстати, я слышал в Киевском ботаническом саду кипарисы растут. Это правда?

— Кто растет?

— Кипарисы.

— Ах, кипарисы... кипарисы, они, наверное, растут. Раз их посадили, куда же им деваться?

— А вы что, сами не видели?

— Кого?

— Да кипарисы же! В Ботаническом саду. Вы были в Ботаническом саду или нет?

— А как же. В Ялте. В Никитском саду. Сколько раз. И восход солнца встречал. На Ай-Петри.

— А в Киеве?

— В Киеве Ай-Петри нет.

— Я вас не про Ай-Петри спрашиваю, а про Ботанический сад. Вы были в нем?

— Я, знаете ли, семью на дачу отправлял...

— Ну вас, ей богу. Картины хорошие где у вас посмотреть? В Украинском музее, кажется, больше прикладное искусство? Так?

— А? Да... Очень может быть.

— Вы-то были в Украинском музее?

— В Украинском?.. Ах, в Украинском!.. В Украинском музее я как раз не был. Я тут семью на дачу...

— Ну, а в Музее русской живопи-

си были? Там у вас Семирадский, Васнецов, Котарбинский, Поляков... Знаменитая картина Флавицкого «Княжна Тараканова» — подлинник — тоже здесь, в Киеве.

— Что вы говорите? Давно?

— Это я у вас должен спросить. Вы ведь киевлянин.

— Конечно, я, конечно, я... киевлянин. У меня и папа был киевлянин...

— Ну вот, как не стыдно!.. Никуда не ходит...

— Я ж вам говорил: я же занят. Семью на дачу...

— Позвольте, вы живете в Киеве сорок лет. Неужели все сорок лет отправляете на дачу семью?

— Хе-хе-хе... Шутник вы, ей-богу. Пристал ко мне с музеями... Да, я думаю, вам после Третьяковской галереи наш Музей русской живописи покажется неинтересным. Небожь, в Третьяковку-то каждую неделю ходите?

— Кто? Я? — вдруг смутился москвич.— Как раз я в Третьяковке редко бываю. Сообщение неудобное: она у нас в Замоскворечье, а я сам — в Бауманском районе.

— Но все-таки в году раза два бываете?

— Я?.. Нет... Два раза не выйдет. И один раз тоже не выйдет. Последний раз я был в Третьяковке... кажется, в прошлом году... Или нет, позвольте... Тогда еще в Крыму землетрясение было, это какой год?

— 27-й.

— Ну, может быть. Да. Да! Вот тогда я и был в Третьяковке. Или нет! Это я не в Третьяковке, а в Музее революции был. Или нет. Забыл уже. Помню только, что куда-то я ходил.

— И в Музее революции с тех пор не были? — перешел в атаку киевлянин.

Москвич вяло парировал:

— Нет, почему? В Музее революции я... я... я тоже не был.

— Семью на дачу отправляете?

— Вот, вот... А вы откуда знаете?

— Да знаю уже. И в Большом театре не были?

— Ну, не был. А вам что?

— Нет, я ничего. «Анну Каренину» видели?

— Нет еще. А вы на Трухановом острове когда в последний раз были?

Москвич, снова перейдя к нападению, победоносно поглядел на киевлянина. Но киевлянин ехидно сощурился и сказал:

— На Труханове острове я был аккуратно в тот день, когда вы были на Воробьевых горах.

— Мир! — сказал москвич, протягивая руку киевлянину. — Кончили. Ни вы меня больше не будете мучить, ни я вас.

— Идет!

Иван Дитя

Моментальные СНИМКИ

КРЕЩАТИК

Крещатик — это длинный молодец, разлегшийся почти через весь город. На Васильковской он немного подогнул ноги, а мохнатую голову Владимирской горы свесил над Днепром. Руки протянул по зеленым его берегам, и широкие ладони распротер у светлой воды широкими пляжами.

Ему больше тысячи лет, но он молод, а за последние годы хорошо оделся: на нем костюм из асфальта, украшенный зеленой гирляндой лип, на нем красивые пуговицы новых киевских фонарей. Оттопыренные крутые карманы его переулков полны всякой всячины: и ценными вещами, и фруктами, и сладостями. Он обут в стальную броню заводов. Он окружен букетами садов и парков.

Ему очень неплохо живется, этому парню.

Лучше его не трогать. Не любит он этого. Пусть только попробует кто-нибудь помешать его покою — не поживется.

ГОРОД В ЦВЕТАХ

В Киеве на бульваре имени Шевченко рядами посажены цветы. Их много.

Их никто не срывает. Ни взрослые, ни дети.

Зачем? Киев весь в цветах, в зелени, в прелести. Ботанический сад в этом городе не где-нибудь на окраине, а в самом центре. Сад выходит на бульвар Шевченко, нисходящие звенья каменной ограды долго бегут рядом с трамваем, а за оградой важно шумят многочисленные и разнообразные деревья. Зелень у них всегда темнее чем в Москве: в Киеве листва появляется раньше чем в Москве на две недели.

ЖИТЬ!

В деревне Белобородке, под Киевом, 8 июня было предвыборное собрание четырех колхозов — встреча с кандидатом в депутаты Верховного Совета УССР академиком А. А. Богомольцем.

— Цей людина, — говорил один из колхозников, указывая на будущего депутата, — ученый, биолог, он много работает над вопросами продления человеческой жизни.

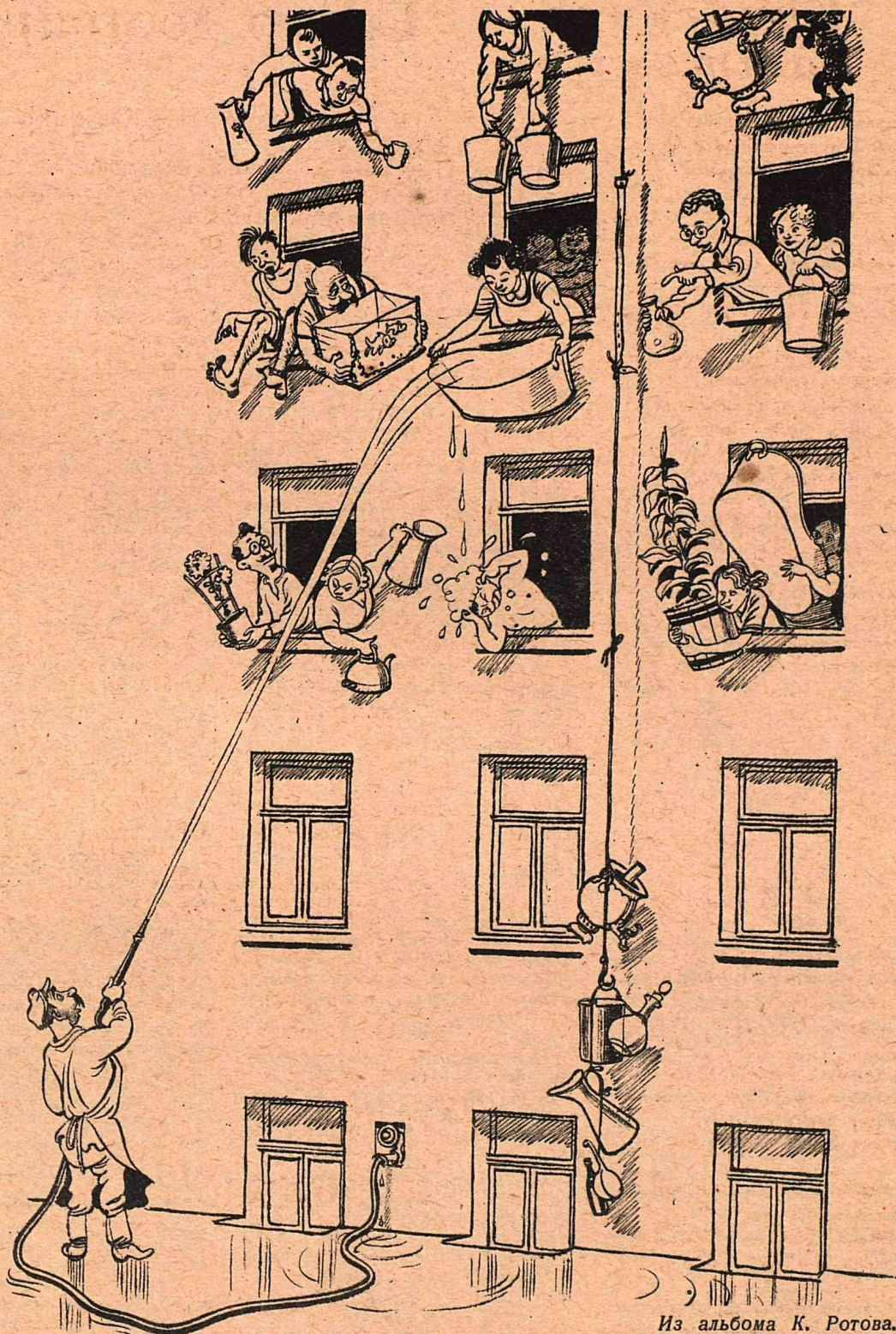
Колхозник горячо доказывал, что людям надо жить дольше. Стояла серьезная, напряженная тишина.

— Сколько может жить людина? — говорил он. — Долго жить хотим!

— И будем! — откликнулись люди, а вслед за ними — звонкое лесное эхо.

КАМЫЩЕНКО

Простая вещь: человек удваивает, утраивает, учетверяет урожай. Это Камыщенко. Он изобрел новую, совсем особого типа сеялку. Он доказывает свои положения и научно и реально,

Из альбома К. Рогова.

В Киеве очень много высоких зданий. В соответствии с этим фактом городской водопровод совсем не подает воду на верхние этажи. Зато поливка улиц производится бесперебойно даже во время дождя. Но изобретательных киевлян трудно заставить врасплох.

практически, на глазах у людей — чего наглядней?!

А враги упираются свиными мордами, хрюкают, клевещут, мешают, портят...

Но не тут-то было: не таков Камыщенко, чтобы его могли обидеть! Высокий лоб, сжатый кулак, пристальный взгляд, полный глубокой веры в дело... Не завидуем мы врагам Камыщенко...

КРАСНАЯ АРМИЯ

По Крещатику идет отряд Красной Армии. Играет музыка. Вдоль тротуаров, в окнах, на балконах киевляне, киевлянки.

На тротуаре, среди прохожих старый арсенальский рабочий: он помнит трупы своих товарищей, сотни трупов...

Горький ком подступает к горлу... Нет, больше этого не будет, не может быть!

— Да здравствует Красная Армия! — кричит он вместе с другими и машет кефи.

АПЛОДИСМЕНТЫ

На встречах с кандидатами в депутаты Верховного Совета много молодежи, много детей. Сотни сияющих, блестящих, горящих любопытством и радостью глаз...

Сотни загорелых рук рукоплещут высоким словам и великим именам...

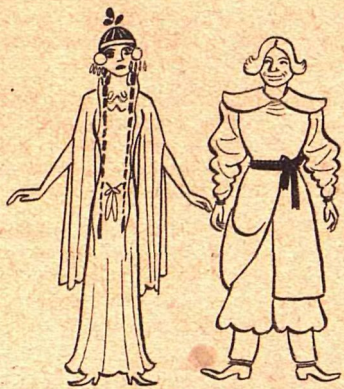
Как дружный полет стаи птиц, взлетают сотни рук и долго, долго аплодируют при огненном слове:

— Сталин!

Ефим Зозуля.

Вместо рецензии

Взыскательный народ

Будем откровенны. Шли мы в этот театр, и было нам чуть-чуть не по себе. Посудите сами: взрослые дяди — и вдруг в детский театр! Удобно ли? Может быть, мы отнимем места у ребят, которым попасть в театр — такое наслаждение?!

Но мы шли туда с задней мыслью: смотреть не на сцену, не на актеров, а на зрителей. Известно, что эта категория театраль-

ной публики — особая. В детских театрах реагируют на сценические события так выразительно и так непосредственно, что описание зрительного зала — сюжет, пожалуй, лучший чем рецензия на спектакль. По сему случаю наш художник Ю. А. Ганф захватил свой дорожный альбом для зарисовок, а я запасаю парой блокнотов и налил в ручку с вечным пером новую порцию чернил.

Каемся сразу: и альбом и записные книжки оказались на сей раз почти неиспользованными.

Сначала в зрительном зале было довольно темно. Потом, когда по ходу действия стало светлее, мы забыли, с какой целью пришли. Да! Два взрослых дяди увлеклись этим спектаклем как таковым и с удовольствием просмотрели его с начала до конца!

«Коньок горбунок, казка для дітей молодшого та середнього віку на 3 дні», по П. П. Ершову (украинский перевод М. Т. Рьльского), поставлена в Киевском украинском

театре для детей имени А. М. Горького режиссером М. А. Вельяминовым и оформлена художником В. М. Шкляевым. Поставлена хорошо, красочно, занятно.

Иван и Конек-горбунок летают по сцене в воздухе; в небе висит золотой месяц, а на нем сидит царевна; облака плывут по небу; на туловище кита, в крохотной деревеньке, суетятся человечки; молоко кипит в котле и плещет через край... Словом, ни в сказке сказать, ни пером описать.

Есть в оформлении спектакля и несуразности. «От автора» текст перед каждой картиной читают два старика-сказочника. Один из них — старик как старик. Настоящий украинский дид. А другой — как будто только что сошел со страниц священного писания: в какой-то мантии через плечо, с библейским посохом чуть ли не вдвое больше человеческого роста. Костюмы других персонажей — особенно хора и кордебалета — застилованы почем-зря. Получи-

лись этикие «пейзаже рюсс», чего, собственно, по обстоятельствам дела не требуется.

Итак, мы спектакль посмотрели с удовольствием. Что касается мнения киевских ребят, то вот оно.

При выходе из театра мы спросили белокрылого паренюка лет восьми:

— Ну как? Понравилось?

Паренек посмотрел на нас, взвесь ответ и сказал:

— Угу. Гарна казка. Только это ж казка. А они бы еще про Папаняна показали. От мы побачили бы! А ще про Водопьянова.

— Ну, а сам театр тебе нравится? Рыбок там в аквариуме видел?

— Рыбки? — он подумал. — Та ни. У палацу пионерив лучше. Там ух як гарно!

— А еще где гарно?

— Где? В Москве. Там метро... И пес Веселый.

Взыскательный народ — эти мальчишки! Мы, журналисты, куда примитивнее, добродушнее, что ли.

Е. ЕФРЕМОВ

Кража

На олимпиаде художественной самодеятельности Югозападной дороги (олимпиада эта была проведена в Киеве, в театре Музыкальной комедии) случилась кража. Украли известную всему миру чудесную, нежную иногда грустную, а чаще глубоко радостную украинскую песню...

Конечно, похитить украинскую песню, так сказать, «на совсем» никакой злодей не сумеет. Но на этом вечере песня была украдена. Воров надо немедленно обнаружить и привлечь к ответственности.

Чем же заменили настоящую народную художественную самодеятельность?

Вышел мальчик и сыграл на скрипке. Вышла девочка и сыграла на скрипке. Вышла еще девочка с голенькими ножками и сыграла на пианино. Вышло восемь мальчиков, подобранных по росту, меньше-больше, и тоже сыграли на скрипках. С ними вышел учитель и расставил всех по росту, потрогав каждого за плечи. Цель этого маневра была ясна: надо было, чтобы заметили не только учеников, но и его — их почтенного воспитателя.

Потом вышли крохотный мальчик и крохотная девочка, не старше пяти — шести лет, и танцевали, причем «постановщики» этого танца не побрезгали и такими приемами: «кавалер» хватал свою «даму» за «талию», а «дама» «опытными жестами» отбрасывала руки «кавалера».

Кому и зачем понадобилось учить детей пошлятине?

Потом вышли тридцать — сорок женщин в удручающе одинаковых белых кофточках и черных юбках, выстроились и замерли в тех деревянных позах, которые обстоятельно высмеяны в различных па-

родиях еще лет двадцать пять тому назад. Вышел дирижер, стал перед женщинами и поминутно оглядывался на зрителей с выражением: «Думаете, легко иметь дело с такими? Пока их вымуштруешь...»

Пели женщины что-то длинное, скучное.

...Где же чудесная народная украинская песня?

Разве могут у нас в стороне собраться где-нибудь люди — любой национальности и в любом месте: дома, в лесу, на маевке, на прогулке, на реке, на лодке, — чтобы не зазвучала среди иных мелодий неповторимая по прелести и музыкальности украинская песня? Только здесь, на вечере украинской художественной самодеятельности ее, этой песни, не оказалось.

Иные номера программы поудачнее не могли рассеять впечатления, что произошла наглая кража: украли, унесли, выволокли, запрятали, замаскировали, замазали восхитительную, неумирающую, всегда волнующую, всегда пленительную народную украинскую песню...

Кто же виновен в этой краже?

Это халтурщики, шукари, администраторы, эстрадные режиссерские огрызки, мелкие клубные карьеристы, дилетанты, неудачники, выкинутые из профессионального театра, с профессиональной эстрады. Они присосались теперь к самодеятельности и тащат, сваливают туда унылые свои навыки, устаревшие штампы и трюки.

Давайте, граждане, условимся так: вам возвращают обратно все ваши убогие выдумки и штампы, а вы верните самодеятельности похищенную народную песню.

Ю. КУКУШКИН

Беда случилась с Кочубеем

Может, мы преувеличиваем. Может, с Кочубеем никакой беды и не случилось, а так просто, маленькая неприятность.

Дело в том, что Кочубей (а равно и Искру) неправильно казнили. То есть казнь должна была обязательно состояться. Об этом, если помните, имеются точные указания в полном собрании сочинений А. С. Пушкина. И в либретто оперы «Мазепа» также говорится о том, что враги решили избавиться и от Кочубея и от Искры.

Так что по ходу спектакля все как будто правильно. Но по существу в Киевском оперном театре обошлись и с Кочубеем и с Искрой (и с публикой, сидящей в зрительном зале) неправильно.

Дело было так. Шла опера «Мазепа». Приближался роковой момент. Вот-вот надо казнить Кочубея и Искру. Но перед казнью «молодой казак» должен подать реплику. Без этой реплики казнь не может состояться.

Однако казнь состоялась без реплики. Не думайте, что это какой-то режиссерский трюк («искания»!). Все обстояло гораздо проще. Артиста Москаленко, исполнившего роль «веселого казака», не оказалось на месте. Искали-искали его и не нашли.

Решили обойтись без «веселого казака», без Москаленко, без реплики. Взяли и на скорую руку свершили казнь. К чему тут церемониться! Да, в Киевском оперном театре не церемонятся со зрителем. Здесь некоторые актеры, например, поют главным образом в антрактах.

Объявляется, например, антракт между первым и вторым действиями. Актеры во время антракта бегут стремглав на концерты. Вот они там что-то поют. А антракт в театре тянется и тянется: тридцать, сорок, пятьдесят минут.

Недавно, к примеру, солист Азрикан, певший в «Поднятой целине», отлучился во время антракта на радиостанцию. И антракт даже часу не продолжался: всего пятьдесят минут. Тем не менее публика проявляла нечуждость и громко выражала свой протест.

Да разве это единичный случай?

Не даром за подписью директора театра недавно издан приказ, в котором говорится, что

1) Все солисты, участвующие в спектакле, обязаны приходиться на спектакль (!) и никуда не отлучаться.

2) Всему обслуживающему и художественному персоналу следует раз навсегда помнить о необходимости исполнять свои обязанности.

Короче говоря, надо еще издать приказ о том, что Днепру следует течь и впадать в Черное море...

Но Днепр не служит в Киевском оперном театре, а потому он и так выполняет свои прямые обязанности.

Г. РЫКЛИН

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дружище Крокодил!
Видно, тов. Петров, директор Киевского трамвайного треста,— большой любитель старины. Иначе чем объяснить, что по Киеву до сих пор дребезжат, катаясь в разных направлениях, скорее музейные древности на колесах, чем средства сообщения, именуемые в других городах Союза трамваем. Взять к примеру маршрут № 17. Эта линия находится на окраине города. По ней курсируют ветхие два вагончика. Трамвай приходится ждать по 40—50 минут. Чтобы проехать 4 километра, нужно потратить час или полтора. На остановках трамвай стоит одну секунду и, не забрав всех пассажиров, катит дальше. Смелчаки догоняют его, оттягивают дугу и, помяная недобрым словом работников трамвая, забираются в вагон.

Мы уверены, что если бы Петров вместо стороннего наблюдателя стал непосредственным потребителем трамвая, он безусловно сделался бы ярким приверженцем городского благоустройства. Но, увы, пока пути трамвая и тов. Петрова расходятся.

Инженер Г. СЕРГЕЕВА.

Товарищ Крокодил!

В трех километрах от Киева, в Голосееве, расположено несколько сельскохозяйственных институтов. Здесь учатся более трех тысяч студентов, живут профессора и преподаватели. В город приходится ходить пешком: Киевский горсовет никак не собирается наладить транспорт между городом и поселком. Случается, что в поселок ходит автобус, но как? День он есть, три — нет...

В поселке ни клуба, ни театра. Студенческие собрания и митинги устраиваются в общежитиях. Вместо магазина в поселке есть только две плохоньких палатки.

Еще в прошлом году горсовет обещал построить трамвайную линию. Вряд ли она будет и в будущем году!

Писала я обо всем этом в газету «Советская Украина». Горсовет на заметку не ответил. Пошла тогда к председателю горсовета тов. Пашенко. Он обиделся: «Ты, говорит, колхозница, а я, говорит, горняк. Чего ж ты про меня в газете пишешь?» А я ответила ему: «Раз ты горняк, так и отнесись к нашему требованию по-горняцки».

Хотя все ясно и так, горсовет

собирается выслать к нам комиссию. Но и комиссии нет. Сколько же времени нам ее ждать?

МАРИЯ ДЕМЧЕНКО,
депутат Верховного Совета СССР,
студент Киевского сельскохозяйственного института.

Уважаемый Крокодил!

Жила я раньше в рабочем поселке под Киевом и слагала стихи о колхозной жизни. Хорошие или плохие стихи — самой мне судить трудно, но колхозникам они нравятся, да и «Правда» их тоже хвалила.

И вот союз советских писателей Украины решил помочь моей работе. «Вам следует переехать в колхоз», — сказали мне в правлении союза тт. Гончаренко и Панч. — Мы поможем вам выстроить в Броварах, в колхозе имени Ильича, домик. Живите себе припеваючи, пишите стихи и песни для колхозников».

Посоветовалась я с мужем, продала избу, корову, кое-какие вещи по хозяйству. Приехали в колхоз. И что же? Ни дома, ни крыши. Председатель колхоза заявил, что он и знать ничего не знает. Пришлось целый месяц жить в колхозной кладовке. Намучились, добиваясь обещанного. Сейчас живем в застекленной веранде колхозного правления. А о доме и не слышать. Ни места, ни материалов нет. Муж в колхозе не работает, все хлопочет о доме. Трудодней, заработанных мною одной на парниковом хозяйстве колхоза, маловато, чтобы прожить семье. Подойдет зима — не останется ни денег, полученных от продажи старой хаты, ни нового дома. Обращалась я в облисполком, в обком партии. Не помогло.

В правлении союза ждут от меня новых стихов. А я решила написать это письмо. Может быть, его там прочтут без большого удовольствия, но с пользой.

МАРИЯ МИРОНЕЦ,

член колхоза имени Ильича,
член союза советских писателей Украины

Дорогой Крокодил!

Вот смотри, что я, киевлянин, пережил из-за вас, москвичей.

Встаю вчера утром, гляжу — на большом пальце левой ноги широкое кровавое пятно. Щу-

паю — боли нет. Пробую стирать — не стирается. Думаю: «Может быть, носки линяют?» Нет, носки у меня серые, а пятно красное.

Надо идти на работу — ладно, наскоро обмотал палец бинтом, надел носок с левой ноги на правую и наоборот. Пошел.

Вечером раздеваюсь — обмер. Огромное красное пятно на большом пальце уже правой ноги. Что за чорт?! Носки? Нет, они серые.

Дорогой Крокодил, виной всему оказались все-таки носки. Вернее, умники, которые их пускают в продажу. На одном носке стоит громадный красный штампель, который я так и не разобрал. Написано: «Мосчулок», а дальше неразборчиво... Зачем они это делают? Реклама? Ну и реклама!

Дорогой Крокодил, помоги. Хотя чем ты можешь в этом случае помочь? Нельзя ли потребовать, если заправили «Мосчулка» все-таки хотят ставить свой идиотский штампель на носках, — нельзя ли, чтобы они прилагали к каждой паре кусок мыла и пемзу?

Твой Е. МИХАЙЛОВ

Товарищ Крокодил!

У нашего завода нет клуба. Он был, но его продали. Да! Продали! Как, кому, кто продал, слишком долго рассказывать.

Единственное место, где может собираться наш коллектив, — это школа ФЗУ. Там есть зал, правда, не вмещающий и половины желающих. Но школа закрыта на ремонт. Теперь рабочие, партийные, комсомольские собрания завода проводятся на стадионе общества «Зенит». Успех культурно-массовой и политической работы теперь решает погода: будет солнечный день — будет собрание, пойдет дождь — собрание сорвано...

Вопрос о клубе мы ставили: в Киевском горсовете (обещали протолкнуть), в Киевском горкоме КП(б)У (обещали подействовать), на съезде ЦК нашего профсоюза (обещали обратить внимание).

Наибольшую активность проявил ЦК профсоюза: он прислал инструктора по фамилии Мацекян. Инструктор выслушал нас

и заявил: «Вы раньше заработайте клуб, а тогда и получите его...»

Что хотел сказать подобной фразой этот мужчина, мы не знаем. Неужели и в самом деле наш краснознаменный коллектив «не заработал» себе клуба?

Но что подобным отношением ЦК союза заработает среди рабочих явно не тот авторитет, который ему был бы нужен, — этого мы опасаемся всерьез.

Видно, работники этого почтенного учреждения полагают, что над ними не каплет. А над нами каплет, дождь каплет. На стадионе.

Рабкоры Киевского краснознаменного завода: Д. ГОЛИКОВ, П. ДУБИНИН, К. ПОНОМАРЕНКО, А. КИПНИС, ТАБАКОВ, М. ЛЮБОМИРСКИЙ, А. ГУРЕВИЧ, Г. ПЛАТОНОВ, А. ПОНИЗОВСКИЙ, Ф. СЕДОВ, С. НАУМОВИЧ, БРОНШТЕЙН, М. КИРИЧЕСКИЙ, В. СИДОРЕНКО, С. БАРТАШЕРИЧ и др.

Товарищ Крокодил!

Нельзя сказать, что киевский городской комитет комсомола не интересуется жизнью нашего пионерского лагеря. Наоборот. Совсем недавно нас посетили секретарь горкома комсомола тов. Мусиев и заведующий пионерским отделом тов. Фишер. Приехали, осмотрели лагерь и даже сделали несколько ценных замечаний: столовая без занавесок выглядит неаккуратно, в лагере мало зелени (почему мало? Ведь лагерь расположен в лесу!), цветочные клумбы на линейке днем не следует поливать. И все! А мы по наивности думали, что товарищи Мусиев и Фишер поинтересуются культурно-воспитательной жизнью лагеря, снабдят нас литературой, пришлют квалифицированного докладчика. Во всем этом мы очень нуждаемся. Вот мы сидим и думаем, кому бы нам теперь нанести визит и пожаловаться на действительные нужды лагеря, которых не заметили товарищи из горкома комсомола.

Начальник пионерского лагеря А. БРИСКИН

Старшая вожатая ГУРСКАЯ

Редактор — Ших. КОЛЬЦОВ. Редакция: Л. ЛАГИН, Л. РОВИНСКИЙ, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-32-47. Прием-офис: с 1 до 6 часов. Подписка: цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. 633

Сдача текста и рисунков 24/VI 1938 г.

Подп. к печати 3/VII 1938 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита Б—48803. Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1670. Тираж 275 000 экз.

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯР
 7 АЮЛ 1938
 Всес. Кн. Палат. Получены

з	Период и сроки	„Лет реценз.“	„Журн. лет“
Получ. в ред.	8/II		
Сдан в архив	9/II 11/II		

Киев. Памятники интервенции.

Рис. Л. Бродаты.